

Камень верности
(рукопись)
(воспоминания о Н. В Образцовой)

О. Филиппова

С Натальей Владимировной меня познакомила Бэла Марковна Шахова. Случилось это в конце 90-х годов, когда мы вместе работали инженерами в НИИ связи, а в урочные дни " батрачили" на километровых овощных грядках в совхозе " Прогресс". Бэла Марковна была фанатом литературного дарования Образцовой. Она могла часами читать её стихи вслух с каким-то упоением, почти религиозным трепетом, превращая в поэтическую исповедальню то соседнее местечко в колхозном автобусе, то уединённый уголок собственного сада, то обыкновенную троллейбусную остановку.

В ту пору появились и мои первые поэтические публикации на страницах "Таганрогского Вестника", редактором которого была Елена Андреевна Чехова, ставшая мне, новоиспечённому стихотворцу, " крёстной матерью" на пёстром параде газетного мира перед 300-летним юбилеем Таганрога. Бэла Марковна частенько наведывалась в редакцию "Таганрогской правды" и "Таганрогского Вестника" и, несмотря на нескрываемое пристрастие к поэзии Натальи Владимировны, живо интересовалась публикациями новых авторов. Как-то, встретив меня у хлебного магазина на углу улицы Свободы и Красногвардейского переулка (мы жили по соседству), она, блеснув на меня чёрным огнём своих совершенно необыкновенных калифских глаз, с печальной иронией заметила; " А Вы не сходите с первой полосы. Хотите, познакомлю Вас с настоящим таганрогским поэтом - Натальей Владимировной Образцовой?"

Я с радостью согласилась. Мне сразу вспомнились 60-е годы, литературный вечер в 14 школе, где я проучилась восемь лет, заполненный до отказа актёрский зал, сидящая за столиком на сцене Наталья Владимировна, сдержанно и весомо передающая мелодию своего стиха нам, ещё ничего не умеющим, юным, немного растерянными. Я вспомнила её скромный наряд - тёмную юбку и бардовую шерстяную кофточку, её пронизательные серые глаза, в которых таилась и усталость обыкновенной хрупкой женщины и какая-то непостижимая сила человеческого духа, спасающая Россию во II мировой... С нахлынувшими воспоминаниями ещё острее шевельнулось желание увидеться с этим человеком.

С Бэлой Марковной мы договорились о визите к Поэту в воскресенье. Домашние решили оформить мой "выход в свет", как подобает. А подобало прежде всего испечь пирог. Моя мать, Александра Васильевна, коренная таганроженка, большая мастерица по части выпечки, не один десяток лет посвятившая себя сцене Народного драмтеатра Дворца культуры им. Димитрова, игравшая Ольгу в "Трёх сестрах" А. П. Чехова в постановке К. Фирсова, восприняла моё предстоящее знакомство с Натальей Владимировной с бурным воодушевлением, свойственным истинно актёрской натуре." Я помню, помню эту женщину. Работала она у нас на заводе. Небольшого росточка, походка такая с достоинством. Славная. Очень интеллигентная. Ты смотри там, не выкини чего-нибудь," - произнесла она в качестве напутствия, выпроваживая меня за дверь с отменным яблочным пирогом, пахнущим ванилью и сладкой сдобой.

Я вначале заглянула на Красногвардейский. Бэла Марковна в свою очередь, собираясь к своему кумиру, нажарила хвороста, уложила его в пустую коробку из-под конфет и с нежностью присоветовала: "Любимое лакомство Натальи Владимировны. Её волшебные бабочки." Хворост и впрямь был какой-то таинственный, солнечно светился, напоминая кулинарное изделие факира, и каждая хворостинка была и в самом деле выполнена в форме кокетливо порхающей бабочки. Я волновалась. Всё-таки первая встреча с известным поэтом. А вдруг она наведёт инквизиторскую критику на мои скромные вирши, устроит мне этакий профессиональный разнос, сотрёт в порошок? Но мои опасения оказались напрасны. Наталья Владимировна встретила нас приветливо, опрятно, по -воскресному одетая. Не скрывая женского любопытства, она секунду рассматривала меня и в заключение беглого осмотра невозмутимо обронила: "Представительная" - как мне показалось, именно этим объясняя моё появление на страницах местной печати.

Увидев заветную коробочку, она тотчас раскрыла её и стала деловито и с аппетитом поглощать солнечных бабочек, как человек, судьба которого не очень-то баловала кулинарными изысками. Мой пирог был торжественно водружён на стол и оставлен ждать закипающего чайника. Бэла Марковна представила меня как поэта, которого "открыла" Елена Андреевна, на что Наталья Владимировна с загадочной улыбкой ответила: "Читали, читали..." Я облегчённо вздохнула. Гроза прошла мимо. Больше мы никогда не заговаривали о моём творчестве. И, честно говоря, меня это вполне устраивало. Я стала бывать у неё дома, с каждой встречей открывая какие-то новые грани её личности. Мне интересно было слушать её самое, наблюдать её жесты, движение по комнате, следить за выражением её лица, когда она рассказывала о родителях, читала стихи о дочери, просто подходила к окну, когда я рассматривала какую-то книгу или картину в её скромной комнатке, абсолютно лишённой какой-либо роскоши. Она редко делилась своими планами, на будущее. Человек она была скромный, много повидавший на своём веку и, как бывший блокадник, весьма суеверный. Бэла Марковна постоянно старалась опекать её в бытовых вопросах, которые Наталья Владимировна как бы не воспринимала всерьёз, привыкшая обходиться минимумом минимального. Порой она напоминала мне пустынного. В полном смысле она жила одной поэзией.

Её суждения касательно местного поэтического Парнаса были резки, жёстки, немилосердны. Но мне почему-то всегда казалось, что она несколько лицедействует в своих суждениях о товарищах по перу и на самом деле гораздо добрее, трогательнее, трепетнее, корректнее и беззащитнее, чем ей хотелось казаться окружающим. Но она застёгивала свою душу на все пуговицы, как военный мундир. Как-то, отыскивая что-то в стопке старой периодики, она обронила на пол небольшую газетную вырезку, я подняла её с пола и протянула хозяйке.

В клочке газеты значились слова соболезнования по поводу смерти таганрогского поэта Сергея Тищенко. Наталья Владимировна стала искать очки, а я снова вернулась к разглядыванию изящных вещиц, которые ей прислала из Китая Ли Чин. "Надо не забыть позвонить им в годовщину..." - тихонько пробормотала она, наконец-то отыскав злополучные очки и расшифровав газетную вырезку. Потом вдруг, вспомнив, что она в комнате не одна, испуганно бросила взгляд в мою сторону. Я сделала вид, что ничего не расслышала. Застенчивость стала для меня ещё одним открытием черт её удивительного характера.

Человек она была сложный, противоречивый, самозабвенный и чрезвычайно требовательный. Требовательность прежде всего относилась к её собственным стихам. Она тщательно работала над ними, безжалостно отбирая у них всё лишнее. Она не позволяла править в своих поэтических чертогах исключительно Вдохновению. Может быть, поэтому её стихи лишены азарта, эмоционального взрыва. Однако в них нет и хрестоматийного глянца или королевского холода академизма. Они напоминают полевые цветы, развеянные в космическом пространстве. И пахнут они степью, таганрогской акацией, Азовским морем. Её стихи просты, лаконичны, сдержанны и мудры, абсолютно лишены какого-либо высокомерия, самовосхваления, претенциозности. За ними - нутром пережитое, не просто созерцательное восприятие мира, но его философское осмысление и постижение. Она любила Таганрог, его интеллигентность и его интеллигенцию. Она была горда тем, что она поэт, и это вызывало у меня глубочайшее уважение. Однажды, собираясь отнести материал своего очередного сборника в редакцию, Наталья Владимировна впервые попросила меня: " Подержите на нём свою паучью лапку на удачу..." Эта почти детская доверчивость растрогала меня до глубины души. Мне было позволено ощутить живую энергетику рождающегося поэтического сборника. Этот эпизод запомнился мне на всю жизнь. Наталья Владимировна хотела первоначально назвать сборник " Янтарь". Но в последний момент почему-то передумала.

Но лично у меня сохранилось ощущение, что я держала ладонь именно на янтаре, согретом солнцем её души - камне любви и верности.